

УЮТ И ТВОРЧЕСТВО

Детский журнал для семейного чтения

2025

второй выпуск

6+

О журнале

Приветствие от редакции, посвященное второму выпуску журнала «Гаврилка»

Здравствуйтесь, дорогие читатели!

Мы рады представить вам второй выпуск детского журнала «Гаврилка»!

Это особенное издание, посвящённое истории, быту и традициям нашей страны.

Мы создали его для семейного чтения, чтобы взрослые и дети вместе могли узнавать новое, обсуждать интересные факты и открывать для себя богатое наследие России.

Журнал «Гаврилка» родом из старинного русского города Гаврилово-Посада, цель издания — показать, как прошлое связано с настоящим, как история влияет на нас сегодня и будет влиять завтра.

Мы верим, что без знания прошлого страны невозможно построить интересное будущее, поэтому история — ключевая тема журнала «Гаврилка».

Что вас ждёт в журнале:

Истории о прошлом: быт, праздники, ремёсла и традиции.

Гаврилово-Посад: архитектура, знаковые места и городское устройство.

Народное творчество: узоры, символика, каллиграфия.

Игры старины: подвижные, настольные и вырезалки.

Классическая детская литература и чтение для самых маленьких.

Занимательные науки: физика, математика, химия, логика.

Авторские колонки, редкие факты и сюрпризы от Гаврилки.

«Гаврилка» — это не просто журнал!

В нём используются современные технологии: QR-коды и дополненная реальность (AR). Теперь историю можно не только читать, но и видеть!

Как это работает:

1. Ищите QR-код с меткой «ДР» на страницах журнала — она означает присутствие элемента дополненной реальности.

2. Отсканируйте QR-код с меткой — он откроет нужный адрес в браузере.

3. Разрешите доступ к камере.

4. Наведите смартфон с включенной камерой на печатную страницу с QR-кодом — на экране появятся 3D-объекты, оживляющие статью!

Желаем вам увлекательного чтения и новых открытий!

Редакция журнала «Гаврилка»

Содержание

О журнале.....	2
Подвижные детские игры.....	4
Рисуем.....	6
Прочти, пожалуйста, прочти!.....	8
Гаврилкины истории.....	10
Словарик.....	16
Праздники.....	17
Открытка.....	19
Детали мельницы (модель для сборки).....	22
Инструкция (как собрать мельницу).....	32
Ветряные мельницы.....	34
Каллиграфия.....	35
Рассказы дореволюционных авторов для детей.....	36
Занимательные науки.....	40
Ответы на задачи 1-го номера.....	46
Рецепты.....	47
Вышивка.....	48

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ

Наименование СМИ: Детский журнал «Гаврилка»

Форма распространения: Сетевое издание

Учредитель: ИП Селивёрстов Максим Альбертович

Главный редактор: Селивёрстов Максим Альбертович

Помощник редактора: Селивёрстова Наталья Алексеевна

Адрес редакции: 155020, Ивановская обл., Гаврилово-Посадский р-н, д. Ганшино, д. 20

Телефон редакции: +7 (964) 566-60-78

Электронная почта: info@gavrillka.rf

Дата выхода номера: 15.12.2025

Периодичность: 4 раза в год

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Номер свидетельства о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 87515 от 17.06.2024

Знак информационной продукции: 6+

Доменное имя издания: gavrillka.rf

Материалы распространяются по лицензии Creative Commons BY-NC-ND 4.0. Разрешено бесплатное скачивание и печать. Запрещена продажа, коммерческое использование и создание производных работ. Обязательна ссылка на журнал при цитировании.

ПОДВИЖНЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Помни, кто ты!

Все играющие садятся в круг и выбирают себе «должности». Девочки берут мужские роли, а мальчики — женские. Например, девочки могут быть: поваром, дворником, кучером, слугой, трубочистом, пастухом и т. д., а мальчики — прачкой, горничной, стряпухой, нянькой, скотницей и т. п.

Одна девочка становится «барином», а один мальчик — «барыней». Все должны обращаться друг к другу на «ты», кроме барина и барыни — к ним нужно говорить почтительно на «вы».

Например, барыня спрашивает:

— Кухарка, где ты была?

Мальчик, играющий кухарку, отвечает:

— Я была у дворника.

Девочка-дворник сразу же поправляет:

— Нет, ты врешь! Я был у ключницы.

Тут же должна отозваться ключница — и так далее.

Если кто-то ошибётся (скажет «была» вместо «был», «вы» вместо «ты» или наоборот), то должен отдать фант. Смешные вопросы, путаница в ответах и забытые роли вызывают много веселья.

В конце игры фанты разыгрываются обычным способом.

Можно использовать старинные названия профессий, а можно использовать современные. Но если использовать старые названия профессий — будет играть в разы сложнее, а значит интересней!

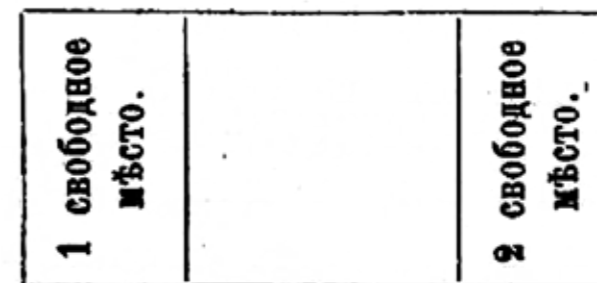

Источник: Звёздочки. Книжечка 4. Игры в доме и на воле. Составила Т. Альмединген. 1872

ПОДВИЖНЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Чёрный человек

На ровной площадке чертится большой прямоугольник. На двух противоположных сторонах отмечаются зоны — «дома» (безопасные места).

Игроки жеребьёвкой выбирают «чёрного человека» — ведущего. Он встаёт у одного «дома», остальные — у другого.

Чёрный человек кричит: «Бойтесь ли вы чёрного человека?»

Игроки хором отвечают: «Нет!», и перебегают на противоположную сторону.

Задача «чёрного человека» — догнать кого-нибудь и, трижды хлопнув по спине («Раз, два, три!»), сделать его новым ловцом.

Теперь два «чёрных человека» бегут за остальными. Игра продолжается, пока не поймают всех.

Последний оставшийся становится новым ведущим — и игра начинается заново!

Важно:

В «домах» ловить нельзя.

Каждый пойманный помогает ловить остальных.

Раньше игра называлась «Чёрный человек», но сегодня её можно переименовать, например, в «Ловцы» или «Перебежки».

Источник: Детские игры и песни. Подвижные игры с пением, песни и подвижные игры без пения. М. А. Мамонтовой и М. Т. Соловьевой 1872

Рисуем

(Рисунки с одного почерка)
Необходимо обвести птичку, не отрывая руки.

КТО ЛОВЧЕЕ

Под крылышко птичка головку свернула,
Уставши летать, она сладко уснула.

Вот вдруг зажуужала вблизи стрекоза,
Пичужка открыла с просонья глаза.

К пичужке приблизилась мушка-плутовка,
Пичужка проснулась, подняла головку.

А мушка летала, как будто дразня:
«Хоть ты и ловка, а не слышишь меня!»

И долго вокруг птички шалунья летала,
А птичка, следя за ней, глаз не спускала.

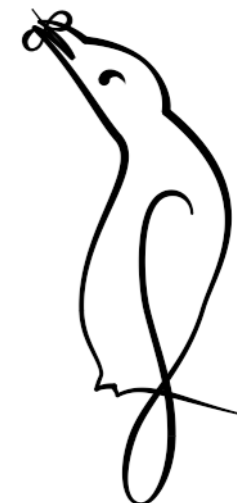
Рисуем

«Постой же, я шуток таких не люблю,
Не тронувшись с места, тебя изловлю!»

Подумала птичка — и, цап! — через миг
Несчастную муху час смертный постиг!

«За шутки ты мне головой заплатила», —
Сказала ей птичка и вмиг проглотила.

И так стрекозу наказавши достойно,
Заснула пичужка опять преспокойно.

Светлячок 1902-09 С одного росчерка стр 16

Алтаев Веселый вечер Сб. занятий, игр, шуток, рассказов и стихотворений, С рис.
/ Сост. А. Алтаев. — Санкт-Петербург : О.Н. Попова, 1911. стр 22

Прочти, пожалуйста, прочти!

Чтение со старшими для самых маленьких

Витя и рыбка

Витя стоял у ведра и удил рыбу, но ничего не мог поймать. Да и немудрено. Он закинул удочку в ведро, в котором была дождевая вода. Трёхлетний мальчик не понимал, что там не может жить рыба. Уставший от бесполезной ловли, он вернулся в дом. За столом его двоюродный брат Глеб спросил:

— Ты ничего не поймал, Витя?

— Ничего, — ответил Витя.

— Ну, ничего, поймаешь после завтрака. Иди снова попробуй. У рыбака должно быть терпение.

Вите уже надоело ловить рыбу, но он всё же пошел. Возле ведра он увидел удочку, взял ее, и вдруг рядом оказался Глеб.

— Смотри, смотри! — зашептал брат. — У тебя на крючке рыба! Тяни скорее!

Витя резко дернул удочку — и о чудо! На крючке болталась маленькая золотистая рыбка.

— Какая прелесть! — закричал Витя, сияя от счастья.

На следующий день за завтраком Глеб принес ему отдельную сковородку с жареной рыбкой. Витя с удовольствием съел её, уверенный, что это та самая, которую он поймал. Хотя горничная смеялась и уверяла, что рыбу утром купили у разносчика.

Вскоре Глеб уехал и целый год не приезжал в деревню. За это время Витя вырос, поумнел и теперь носил не распахонку, а курточку с короткими штанишками.

Когда Глеб наконец вернулся, Витя зашел в его комнату. Брат разбирал вещи, открыл комод и вдруг воскликнул:

— О, у меня тут что-то есть!

Он достал маленькую коробочку и поднял крышку. Витя остолбенел: внутри лежали рыбки — точь-в-точь как та, что он «поймал» в прошлом году.

Глеб слегка покраснел, быстро закрыл коробку и спросил:

— А ты потом ещё рыбу ловил?

Витя не ответил. Он посмотрел брату прямо в глаза — и вдруг заплакал.

— Значит, это была не настоящая рыба?.. Зачем ты меня обманул?

— Я просто пошутил, — смущённо сказал Глеб. — Не хотел тебя обидеть.

Но Витя долго дулся и простил брата только после того, как тот признал, что поступил плохо, и пообещал больше никогда никого не обманывать — даже в шутку.

— И ты так же не делай, — сказал Глеб, обнимая маленького кузена.

Но Витя и сам уже решил никогда не лгать и не обманывать других — даже ради смеха. Он теперь понимал, как больно бывает узнать, что тебя обманули.

Российская детская писательница и переводчица. Евгения Михайловна Чистякова-Вэр — творческий псевдоним Евгении Михайловны Шакеевой. Зимние и летние детские забавы. Сборник рассказов для детей младшего возраста.

Прочти, пожалуйста, прочти!

Чтение со старшими для самых маленьких

Откуда взялся хлеб

Лето подходило к концу. Стоял август. Отец Пети с утра уехал в поле. Ещё раньше он вспахал его, разборонил, а теперь ходил с севалкой через плечо и разбрасывал зёрна ржи то одной, то другой рукой. Долго он ходил, наконец засеял всё поле. Потом запряг Пеганку в борону и заборонил семена.

— Ну, слава Богу, посеял хлебушко! Какой урожай на будущий год Бог пошлёт?

Пришла зима. Было холодно. Петя сидел в избе. Редко удавалось надеть сестрин полушубок и валенки, чтобы выбежать на улицу. Долго тянулась зима, но всё же кончилась. Наступила весна. Петя бегал по полям и видел, как на той полосе, где осенью сеял отец, зазеленелась рожь. За лето рожь выросла, выпустила и налила колос, потом пожелтела. Пришло время жатвы. Отец и мать с раннего утра уходили в поле. Петя часто прибежал туда, носил им обед.

Он видел, как они жали рожь серпами, связывали в снопы, а снопы складывали один на другой в копны. Вскоре тяжёлые снопы покрыли всё поле.

Отец запряг лошадь и говорит Пете:

— Поедем, сынок, привезём с поля хлебушко.

Привезли снопы в овин, высушили их и стали молотить. Намолотили много зерна. Отец подбрасывал его лопатой — ветер уносил мякину и сор, а тяжёлые зёрна падали в одну кучку. Потом отец повёз зерно на мельницу и взял Петю с собой. Там Петя увидел, как из этих зёрен получилась мука.

Привезли муку домой, и мать Пети из свежей муки замесила лепёшки. Вкусные получились лепёшки!

Павел Владимирович Засодимский (псевдонимы: Вологдин, Скиталец) — русский писатель.

Источник: Первое словечко. Хрестоматия для малышей от 3 до 8 летъ.
Составила Клавдия Лукашевич 1912

Гаврилкины истории

Остывшая зола и теплое молоко

Тот осенний день начался с непривычной тишины. Гаврилке было пять лет, но он уже твёрдо знал: утро начинается со скрипа половиц под дедовыми валенками, с запаха горячей лучины и парного молока. А сегодня было тихо. Слишком тихо.

Он подождал, прислушиваясь, потом слез с полатей. Дед лежал на печи, дышал тяжело и хрипло. Лицо его было серым, как зола.

— Дедаааа... — позвал Гаврилка.

Старик лишь слабо закашлялся в ответ. И тут Гаврилку будто окатило ледяной волной. Дед не спит — он болеет. Дед не встал. А если дед не встал... значит...

За стеной раздался глухой звук протяжного жалобного мычания, словно корова звала на помощь, но дед даже не шелохнулся.

Мысль, от которой в животе стало холодно и пусто, оформилась в одно слово, заставившее мальчика сорваться с места. — Зорька... Он кинулся в сени — нет, корова не доена! Зорька, их пегая кормилица, стояла, беспокойно переминаясь, её большое вымя было тугим и горячим. Вот тут-то Гаврилку и обуяла настоящая паника. Слёзы подступили комом к горлу. Корова не доена! Это было так же невыносимо, как то, что солнце не взойдёт.

Он всхлипнул, громко и беспомощно, вытирая лицо рукавом старой рубахи. Но слёзы деду не помогут. И Зорьке — тоже.

Взяв дедов ковшик, он налил воды, отыскал тряпицу и, подобравшись к корове, принялся неумело обтирать её вымя. Зорька фыркнула, от неожиданности отшатнулась, но потом, кажется, поняла. Она замерла, лишь изредка нервно вздрагивая кожей, будто терпела назойливого, но безобидного жучка.

А потом началось самое трудное. Гаврилка сжал сосок, пытаясь повторить движения деда, которые видел много раз. Но у деда была рука большая, жилистая от столярного дела, и он доил тремя сильными пальцами, будто выдавливал из соска ровную, упругую струю. А у Гаврилки ручонка была детская, крохотная. Он не сжимал — он обхватывал всей ладонью, как мог, но сил в ней не хватало. Молоко не шло. Он сжимал изо всех сил, до хруста в косточках, бормоча сквозь стиснутые зубы: «Ну же, Зорька, ну же...» Ему казалось, она сейчас лягнет его, устав от этих мучений. Но корова стояла, словно замороженная, понимая, что от этого упрямого детёныша зависит её облегчение. И Гаврилка не сдавался. Вслхлипывая, он продолжал отчаянно сжимать и разжимать свою маленькую ладошку.

И вдруг — брызнула первая струйка, густая, с тёплым парком. Потом вторая. Гаврилка аж присел от неожиданности. Он выплеснул воду и поставил ковшик, как делал дед, первые струи сливались и доставались кошке Машке. Ковш со сдоенным первым молоком отставил в сторону, поставил ведро, уже увереннее стал доить. Доил он долго, мучительно, и руки у него заныли, и спина затекла. Закончив, он вспомнил дедову присказку: «Проверь, внучек, вымя, будто тесто гладишь. Если мягкое — значит, всё чисто». Он провёл ладонью — вымя стало мягким и послушным. Получилось.

Гаврилка выдохнул. Зорька обернулась и тёплым, шершавым языком лизнула его в щеку. От неожиданности Гаврилка рассмеялся сквозь невысохшие слёзы. И на миг всё стало просто: вот он, вот корова, вот ведро с белой пеной. Он смотрел на результат и удивлялся — И всё это он сделал сам! Накрыв чистой холстиной ведро с молоком и зачем-то поволок в избу. В избе было тихо. Только тишина была другая. Недобрая. И — холодно. Вроде бы сентябрь едва начался, но выдался на редкость сырым и зябким. Солнца почти не было. Они с дедом уже пару дней подтапливали

Гаврилкины истории

печь, чтобы прогнать липкую сырость. Дед ночью вставал и подбрасывал пару полешек, но не в этот раз... И печь остыла. Совсем.

Поначалу Гаврилка не понял, чего боится. Потом сообразил: печь надо топить. Самому. Дед не встанет. Если печь не растопить — в доме будет холодно. А деду и так плохо. Значит, будет ещё хуже.

Ужас от этой новой, огромной задачи снова сжал его в тиски. Он только что победил одну беду, а теперь надо победить другую.

Затопить печь оказалось проще, чем доить корову. Чистка зольника, растопка — он ведь с мальчишками костры в поле разжигал. Главное — не забыть отодвинуть заслонку, а то, как говаривал дед, «угоришь, и никто не услышит». Подставил табурет, потянулся — а заслонка-то открыта! Всю ночь открыта была, вот дом и выстудило! Огонь затрещал, и через час в избе запахло обещанием тепла.

Пока печь раскалялась, Гаврилка, достал с полатей связки сушёных трав — ромашки, зверобоя, мяты. Он не знал, что именно нужно, поэтому отщипнул понемногу от всего найденного, залил кипятком из чугунка — настой вышел горьким и душистым.

В это время дед заворочался. Он приподнялся, посмотрел в окно на давно расцветшее небо, и на его лице отразился ужас.

— Зорька... — простонал он, пытаясь слезть с печи. Но его шатало, лоб покрылся испариной, а рубаха была мокрая насквозь.

— Ложись! — вдруг чётко сказал Гаврилка, подбегая к нему. — Ты болеешь. Я уже подоил.

Дед остановился, уставясь на внука, потом его взгляд скользнул к ведру, накрытому чистым холщовым полотном. Удивление мелькнуло в его блестящих от лихорадки глазах, но он тут же взял себя в руки.

— Вынеси... в сенцы... — с трудом выговорил он. — Там прохлада... Сейчас встану...

Но, сделав несколько шагов, он понял, что не может, и тяжело опустился на лавку.

— Рубаху... принеси сухую... — попросил он уже тише. — Коли так меня прошибло — значит, жить буду. Не доделал ещё все дела... Для чего-то нужен еще на этой земле.

Пока дед, кряхтя, переодевался, Гаврилка подал ему кружку с тёплым отваром. Старик пил медленно, маленькими глотками, и по его лицу разливалось спокойное, усталое понимание. Он смотрел на затопленную печь, умывающуюся после молока Машку, на кружку в руках, внука, который смотрел на него с тревогой и надеждой.

...Дед поставил кружку, положил свою крупную, исхудавшую руку на стриженую голову Гаврилки. — Оказывается, ты у меня... большой, — тихо и с нежностью сказал он. — Я-то думал, малец ещё, а ты... хозяин. Настоящий.

Гаврилка замер. В нём встрепенулось, забило что-то тёплое и тревожное. Ему отчаянно захотелось остаться прежним Гаврюхой — тем, кого по утрам будит дедово покашливание и запах дыма из печи; тем, кому вручают кружку парного молока, когда ещё так хочется спать, и ты, прижимая её к груди, понимаешь, что день начался, и о тебе заботятся.

Но другое чувство — странное, незнакомое — уже поднималось из самой глубины, и оно взяло верх. Гаврилка выпрямил спину, и детская неуверенность, словно утренний туман, растаяла, уступив место тихому, бесповоротному знанию: теперь он

Гаврилкины истории

сам — опора. Это знание было страшным и радостным одновременно, как первый шаг над пропастью, куда ты шагаешь не потому, что не боишься, а потому, что назад дороги нет. Так началось утро. А вечером, когда в избе окончательно стемнело и дед, всё ещё слабый, прежде чем затопить печь на ночь, остановился и взглянул на Гаврилку, прищурившись в полутьме.

— А ну-ка, хозяин, — сказал он негромко, и в голосе его слышалось не приказание, а доверительная просьба. — Сбегай к колоде, где я дрова колю. Набери там щепы, что помельче, да лучинок покривистее — на растопку самое то. В корзину, что у порога.

Гаврилка, почувствовав важность поручения, тут же сорвался с места. Взял старую лубяную корзину и выскочил в сени. За дверью его встретил хрустальный осенний холод и запах свежего дерева.

У чурбака-колоды, посеревшего от времени, лежала целая россыпь щепы. Дед, раскалывая поленья, по обыкновению отбрасывал её ногой в сторону. Теперь Гаврилка, присев на корточки, стал бережно собирать её в корзину. Он выбирал те, что потоньше и покривистей — они лучше вспыхивали. Набрав полную охалку, занёс добычу в избу и с важностью поставил корзину у печи. Дед, наблюдавший за ним, кивнул.

— Вот и ладно. Теперь и огню есть с чего начаться.

Гаврилка смотрел, как дед ловко укладывает щепу в чрево печи, и чувствовал, как в его собственной груди разгорается такое же маленькое, тёплое пламя — пламя нужности. Он принёс не просто щепки. Он принёс начало вечера и начало их нового, взрослого хозяйского союза.

Дед медленно, но верно шёл на поправку, однако слабость давала о себе знать ещё долго. И теперь он стал по-новому поглядывать на внука. Уже не как на малого ребёнка, которого нужно оберегать, а как на правую руку. — Пойдём, поможешь мне дров на колоду поднять.

— Гаврюха, сбегай, проверь, плотно ли сенцы закрыты, ветер с севера подул.

— Пойдём-ка к колодцу, подсобишь. Вдвоём-то завсегда сподручнее.

Поручения были простыми, но Гаврилка видел — раньше дед всё это делал молча, сам, не привлекая его. А теперь — рассчитывал. И от этого Гаврилка расправлял плечи. Он стал замечать, что дед чаще присаживается отдышаться, но при этом в его глазах светилось не уныние, а спокойная уверенность — не один.

И вот однажды, уже окрепший, дед сказал за ужином: — А на той неделе, внучек, на «капустники» поедем. Воздвижение — капусту рубить будем. К соседям, к Анисье. Будешь мне главным помощником. Гаврилка, уже понимая весомость этих слов, кивнул. Для него это было не просто новое дело. Это было продолжение того утра, когда он впервые почувствовал себя взрослым.

— Хорошо, что вместе, — продолжил дед, раздувая самовар. — А то без хозяйки живём... Дело-то вроде и не мудрёное, бабское, а без ихнего ума да сноровки — капуста не та выходит. То перекистет, то, как ледышка, замёрзнет. А они знают в ней толк.

Гаврилкины истории

Бабье лето в кадучке

Воспоминание о первой в его жизни «капустнице» навсегда осталось в памяти — не просто картинкой, а целым миром звуков, запахов и чувств. Стоило ему закрыть глаза, и он снова был там...

Двор у Анисьи был полон народу. Прежде чем началась валяжная работа, всё должно было быть приготовлено. Ведь капустник — это не суета, а дело, и относились к нему с подобающей серьёзностью.

Вдоль плетня, в тени сарая, выстроились в ряд вымытые до скрипа деревянные бочонки и кадучки — главные труженицы этого дня. В небольших хозяйствах, как у Анисьи, в ход шли не огромные бочвища, а аккуратные кадочки, чтоб удобно было и набивать, и в погреб потом спускать. Если кадка была старая, бывалая, её с великим тщанием выскабливали, вымывали и выпаривали, чтобы ни единый дух прошлогодней гнили или затхлости не перешёл на свежий урожай. Был в этом особый смысл: новая жизнь — в чистой посуде.

А уж как парили! Ранним утром тут же, во дворе, жгли костры, прогревая в них крупные булыжники. Раскалённые камни клещами осторожно опускали в бочки и заливали кипятком — густой пар вставал столбом, а воздух наполнялся душистым запахом пропаренного дерева. Потом бочку наглухо укрывали старыми тулупами и дерюгами, чтобы как следует «распарилась». То же проделывали и с кадками.

Рядом, как верные солдаты перед строем, лежали сечки — главные орудия всего дня. Ножи эти надлежало заранее наточить до остроты бритвы и крепко насадить на черешки, чтобы не шатались в самый разгар работы. Тупая сечка только мнёт капусту, а не режет; плохо насаженная — может и вовсе соскочить, грозя бедой. Всё должно было быть исправно и ладно.

Когда кадки остывали, самые опытные хозяйки брались за последнюю подготовку: дно густо промазывали ржаной мукой, разведённой на ключевой воде, и укладывали первый слой — крупные, целые капустные листья.

Теперь всё было готово. Всё ждало. И пошла кипеть работа, да рубиться капуста!

Мужики, кряхтя от натуги, стаскивали с телег плетёные корзины, набитые капустой, и водружали их к деревянным столам, сколоченным по периметру. Хозяйки, повязавшись свежими фартуками, ловко снимали грязные верхние листья, срезали помятые бока и пятна, а затем вырезали кочерыжки — всё это добро пойдёт скотине, чтоб зря не пропало. Потом, уже бережнее, снимали слой чистых зелёных листьев, обнажая тугие, почти белоснежные кочаны.

В центре двора стояло большое, долблёное корыто, аршина три в длину. Но прежде чем кочан летел туда, его должна была взвесить на руке и одобрить сама Анисья — признанная всеми капустная мастерица. Её слово здесь было законом. Рядом притулились парочка корыт поменьше — сюда накидывали те самые зелёные листья. Их рубить было сподручнее, и эту работу доверили мальчикам вроде Гаврилки. — На зелёные щи, внучек, самое то! — пояснила ему, проходя мимо, одна из хозяек. Ребята постарше уже всю орудовали тяжёлыми сечками, мелко кроша крепкие кочаны в большом корыте. Стук железа по дереву отбивал чёткий, почти барабанный ритм — сердцебиение всей этой кипучей работы. Потом подходила Анисья, щупала рубленую капусту, будто пух перины, добавляла на глаз, но безошибочно, горсти соли. Мальчишки помогали всё перемешивать до однородной, сочащейся соком массы, а уж затем хозяйки набивали дубовые и осиновые кадки.

Здесь начиналось самое интересное. Хозяйки, укладывая капусту слоями, сдабри-

Гаврилкины истории

вали её дарами осени, словно запечатывая в кадку самое щедрое время года. Одни щедрой горстью всыпали рубиновую бруснику или кислотоватую клюкву — для красоты да хруста. Другие добавляли тёртую морковь, от которой капуста налилась бы медным янтарём, или тонкие ломтики свёклы, сулившие зимой насыщенный, бордовый рассол. А поверх всего, под самый груз-гнёт, укладывали последние огурцы — большие, перезревшие, жёлтые. Ничего даром не пропадало, всё шло в дело, обретая в общей массе новую, нужную суть.

И круг начинался заново: кочаны, стук сечек, соль, пряные добавки, перемешивание...

День уже перекатился за полуденный час, и Гаврилке начало казаться, что капуста не убавляется — её всё рубить да рубить. Руки ныли, спина затекла, и в глазах стояла белая крошечная крупа от бесконечных кочней. Но тут к Анисьиному двору, словно свежий ветер, подоспела молодёжь — девицы в ярких платках да парни в праздничных рубахах. Как и водилось на капустниках, они ходили по домам, чтобы подсобить-рубить да весельем подмогнуть. Девицы подменили уставших хозяек у столов, давая им отдохнуть за самоваром, принялись за работу. Парни, смеясь, оттеснили мальчишек от больших корыт, взявшись за тяжёлые сечки. А гармонист, сидевший на завалинке, и вовсе не думал сбавлять.

И будто второе дыхание открылось у всего двора. Дело пошло спориться с новой, лихой силой. Под зазорные переборы и смех, капустные запасы стали таять на глазах. С каждой заполненной кадкой в воздухе витало не только пряное дыхание будущих щей, но и ясное понимание: работа идёт к концу, а значит, настоящее веселье — уже на пороге.

Вскоре рабочий ритм сменился на другой — с крыльца полились разудалые, плачущие звуки гармони. Несколько хозяек, обтерев капустный сок на руках о фартуки, уже месили тесто в широких дежах. Пора было ставить пироги, чтобы и праздник отметить, и новый урожай на вкус опробовать.

Работа, и правда, была не быстрая, но под шутки, прибаутки да под гармонь она спорилась весело и как-то незаметно. Гаврилка приметил, как парни постарше то и дело поглядывали на девушек, которые, разругаясь от пляски. Дед, стоя рядом, тихо пояснил: «На капустниках, Гаврюха, не только капусту рубят. Парни невест приглядывают. Видно сразу, ловка ли в работе, весела ли нравом». Потом запели песни — не плясовые, а заунывные, протяжные, от которых на душе становилось и светло, и щемяще-грустно.

Но самый райский миг настал, когда на стол, сколоченный из досок прямо во дворе, вынесли дымящиеся самовары и противни с румяными, пышущими жаром пирогами. Гаврилка откусил горячий, пышный край, сначала обжётся, но потом распробовал сочную, кисло-сладкую начинку из только что нарубленной капусты. Он с наслаждением закрыл глаза. Это была не их с дедом холостяцкая тюрка или парёная репа. Это была еда, к которой приложила руку настоящая хозяйка, вложив в неё всё своё умение и щедрую душу.

Усталые, но довольные, они везли домой на телеге несколько кадок, из которых пахло свежее-заквашенной капустой. Соседка Анисья, провожая их, наказала: «Не забудь, Игнат, под гнет поставить и прокалывать её палкой березовой, чтоб горечь вышла. А уж я найду, подскажу, когда в погребок ставить. Не в сенцы, слышишь? В сенцах мороз проберёт — всё погубишь».

— Вот ведь, Гаврюха, — задумчиво начал дед, не оборачиваясь, будто бы разго-

Гаврилкины истории

варивал сам с собой. — Думал я, старый пень, что все премудрости житейские знаю. Ан нет. Не доводилось мне ржаным тестом дно-то смазывать, чтобы капуста бойчее квасилась... У Анисьи, видно, наука особая. Не зря, значит, к ней на заготовки стараются со всей округи попасть. Знатная у неё капуста выходит.

Он помолчал, давая внуку время обдумать эту простую мысль: и седому есть чему поучиться, и юному есть что поведать. Но ответа не последовало — лишь мерный скрип телеги да храпение лошади. Дед обернулся. Гаврилка сидел на соломе, приклонившись к кадке, и смотрел куда-то в сторону темнеющего поля. Лицо его было спокойным, уставшим, полностью погружённым в свои думы. «Не слышит», — понял дед без обиды, лишь слегка улынувшись. И повернулся обратно к дороге.

А Гаврилка и вправду не слышал. Он размышлял, убаюкиваемый покачиванием. Дело это — хлопотное, целый день заняло. А вышло как-то легко, и усталость была приятная, согревающая изнутри.

Дед, словно прочитав эти самые мысли, хрипло проговорил, снова не оборачиваясь: — Общее дело, внучек, оно и тяжёлый камень на гору вкатить помогает. А уж капусту рубить и по давню. Одному-то и горько, и скучно... А вместе — глядишь, и работа сделана, и душа нарадовалась. Вот она, наука-то простая.

Он помолчал, глядя на темнеющее небо.

— Ну, вот к зиме мы почти и готовы. Осталось картошку в погребе перебрать, репу со свёклой соломой прикрыть, да дровец подвезти, чтобы до крещенских морозов хватило. Всё, больше забот нет.

Гаврилка кивнул, зачем-то силясь запомнить: картошка, репа, дрова... Но обдумывать уже не было сил. Глаза сами слипались. Едва переступив порог избы, он забрался на полати, свернулся калачиком и провалился в глубокий, сладкий сон, пахнувший капустой, пирогами и обещанием тёплой, сытой зимы.

Словарик

Дежа - это широкая посуда с высокими бортиками, чаще всего изготавливалась из дерева — это была кадка (квашня), предназначенная для замеса теста. Использовалась преимущественно в северо-западной части России при производстве хлеба: в такой посуде готовили ржаное и ржано-пшеничное тесто.

Аршин это 0,71 м (2 локтя, 4 пяди, 16 вершков), так что около «3х аршинов» равно примерно двум метрам в длину.

Колода — очень толстый отрезок бревна, или пень без корней — «пень-колода», подобранный по высоте с учетом роста хозяина, что бы на нем было удобно колоть дрова. Часто для этих целей выбирался чурбак с большим количеством толстых сучьев, благодаря этому колода не раскалывалась топором вместе с дровами. Торчащие ветки никогда вровень с колодой не спиливали — использовали как ручки, можно было ухватиться и перетащить, переместить колоду на другое место. С умом подобранная колода позволяла и быстрее дрова наколоть и спину сберечь, не сорвать.

Долблёное корыто. Ни одно крестьянское хозяйство не могло обойтись без столь нужного и важного предмета, как корыто. В хозяйстве их было несколько, и каждое из них использовалось строго по назначению (в зависимости от размера) и которое не менялось для конкретного корыта: емкость для кормления скота, для стирки, в них рубили мясо для пельменей и капусту на зиму, замешивали тесто. А совсем маленькое корыто могло называться «поганой лоханью» и ставилось под рукомойником для стекавшей грязной воды. Чаще всего корыто изготавливали при помощи выдалбливания из цельного куска дерева (отсюда форма — узкое и длинное). Простая форма и доступный материал делал корыто универсальным предметом, распространенным повсеместно в России, дожившим практически до конца XX века.

Лубяная корзина (пестерь, пещур) — это предмет быта, который в прошлом изготавливался из луба — волокна дерева, которое использовалось для плетения различных изделий. Луб — мягкий, рыхлый и эластичный слой, расположенный между твердой корой дерева и древесиной. Он обладает лёгкостью, прочностью и гибкостью, что делает его идеальным материалом для плетения. Обычно луб получают с липы.

Зольник для печи — это место, куда падает и собирается зола. Может быть в виде ящичка или поддона. Располагается внизу под топкой. Зольник выполняет две главные функции: 1 Служит для сбора и накопления золы, 2 Обеспечивает поступление воздуха в камеру топки. Поступающий в поддувальный отсек воздух создаёт тягу, которая способствует образованию жара в результате сгорания дров

Заслонка печи (вьюшка) — это устанавливаемое в дымоходе кирпичной печи устройство для его открывания и закрывания. Характерно для русской печи. Функции заслонки: 1 Регулятор тяги. В открытом положении создаётся максимальная тяга, что приводит к интенсивному горению и быстрому нагреву помещения. При закрытой заслонке тяга уменьшается, что позволяет сохранять тепло в печи более длительное время. 2 Минимизация теплопотерь через дымоходную трубу. 3 Защита помещения от обратной тяги и попадания угарного газа внутрь дома.

Капустник, капустники, капустницы осенний праздник, связанный с заготовкой капусты, который длился до двух недель. Начинали солить капусту с Воздвижения (27 сентября) Считалось, если солить более раннюю капусту, она не простоят зиму, испортиться. Но предпочитали солить октябрьскую капусту. К этому времени лёгкие морозы делали капусту твёрже и слаще, поэтому октябрьская капуста вкуснее сентябрьской. Главное было до 8 октября (Сергей-Капустник, Сергеев день, день памяти преподобного Сергия Радонежского) успеть собрать весь урожай.

Праздники

Осень: праздники и труды крестьянские

Осень на Руси приходила неспешно, золотя поля и наполняя амбары щедрыми дарами земли. В этом благодатном круговороте церковные праздники становились не просто датами, а живыми вехами, отмечающими переход от летнего труда к зимнему покою. Каждый из них вплетался в крестьянский быт, соединяя молитву с повседневными заботами.

Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября)

В народе этот день ласково называли «Малой Пречистой» или «Осенинами» — праздником встречи осени. Заканчивалась жатва, потому и другое имя было у него — «Оспожинки». А еще звали «Пасиковым днем» или «Луковым» — на пасеках готовили пчел к зимовке, а на огородах спешили убрать последний лук.

К этому дню завершалась уборка яровых, крестьяне верили, что с этого дня сама Богородица благословляет сев озимых. «Богородица — рожь засекает», — говорили, выходя в поле с лукошками зерна. В церкви освящали семена, а после всей деревней собирались на братчину — общую трапезу с пирогами и душистым медом.

Особой радостью для молодежи было то, что после тяжелой страды наступало время свадеб. Обрученные пары, дождавшиеся окончания полевых работ, наконец, могли создать семью. По традиции старшие родственники приходили в дом к молодым — проверяли, справляется ли хозяйка с домашними хлопотами, всё ли в порядке у хозяина. Давали полезные советы и напутствия, а заодно дарили и подарки — кто прялку, кто топор, чтобы в новом доме все ладилось.

С этого же дня, когда световой день становился короче (осеннее равноденствие), детям разрешалось сидеть вечерами «с огнем» — при свете лучины или свечи. А взрослые устраивали «засидки» — посиделки с угощениями и добрым словом. Особенно радовались этому ремесленники — бочары, плотники, столяры, — ведь впереди их ждала долгая зимняя работа.

Воздвижение Креста Господня (27 сентября)

«Воздвиженье», «Капустницы», «Змеинный праздник» — как только не называли этот день в народе. «На Воздвижение последняя копна с поля движется», — подмечали крестьяне, завершая уборку овощей. Капусту рубили на зиму, свёклу и репу укладывали в погреба. этому дню заканчивали убирать урожай хлебов, овощей, льна, конопли; происходила обработка льна «мяли куделю».

Считалось, что с этого дня природа засыпает: «В Воздвиженьев день и медведь залегает в берлогу». С наступлением холодов замирает жизнь зверей и птиц. Особо отмечалось замирание змей.

Но главной заботой были «капустники» — веселые посиделки, на которых всей деревней рубили капусту — одно из главных блюд долгих постов. Молодежь водила хороводы, а после работы устраивали щедрое застолье, где главным угощением были пироги с капустой.

Покров Пресвятой Богородицы (14 октября)

«Покров-батюшка», «Зазимки», «Свадебник», «Покровские вечерки» (начало посиделок) — этот праздник был важнейшей границей между осенью и зимой. «На Покров

Праздники

до обеда осень, а после обеда — зима», — говорили в народе.

К этому дню спешили завершить все полевые работы, утеплить избы, заготовить дрова. Девушки молились Богородице о замужестве: *«Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня — платком!»

После службы впервые по-настоящему топили печи «по-зимнему», а вечерами собирались на «покровские посиделки» — пряли, шили, готовили приданое. Началось время наймов — крестьяне договаривались о зимних работах. О сроках договаривались так: от Покрова до Крещения (19 января), от Покрова до Евдокии (14 марта), от Покрова до Егорья (23 апреля). После уборки хлеба у парней работы было мало, и они охотно уходили в «отходники» (в найм) — покидали места постоянного жительства в относительно отдалённые районы, в том числе в города.

А еще с Покрова открывались ярмарки — шумные, веселые, где торговали всем: от теплых валенок до душистого меда.

Казанская икона Божией Матери (4 ноября)

«Зимняя Казанская», «Бабий праздник» — к этому дню зима уже стучалась в двери. «На Казанскую — зима не за горами», — вздыхали крестьяне, проверяя запасы: хватает ли хлеба, сена, солений?

Часто в этот день выпадал первый снег, и деревня начинала жить на зимний лад — женщины садились за прялки, мужчины плели лапти или валяли валенки. В церкви молились о благополучии семьи, а после обменивались дарами — кто зерном, кто холстами, кто теплыми рукавицами.

Зимняя Казанская — один из традиционных сроков расчетов. К этому времени заканчиваются все строительные работы; землекопы, плотники каменщики, штукатуры, все кто работал на строительстве, получают расчет и возвращаются в свои деревни. Потому так и говаривали: «Потерпи, батрак, и у тебя на дворе Казанская будет», «И рад бы хозяин поприжать, да Казанская на дворе: она, матушка, всей ряде голова!»

Осенние праздники были для крестьянина не просто днями отдыха, а мудрыми ориентирами в круговороте года. Они благодарили за урожай, готовились к зиме и верили, что после холодов вновь придет весна. В этом ритме — вся глубина народной жизни, где труд и молитва, радость и забота сливались воедино.

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

Адрес: ж/м/п

ГВАРИЛКА.РФ

Код:

Куда:

Код:

Куда:

ГВАРИЛКА.РФ

Адрес: ж/м/п

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

Адрес: ж/м/п

ГВАРИЛКА.РФ

Код:

Куда:

Код:

Куда:

ГВАРИЛКА.РФ

Адрес: ж/м/п

Серия «Праздники Гаврилова Посада»

[32] деталь 32

[37] деталь 37

[22] деталь 22

[23] Деталь 23

[30] деталь 30

[28] деталь 28

[29] деталь 29

[31] деталь 31

[33] деталь 33

[34] деталь 34

[36] деталь 36

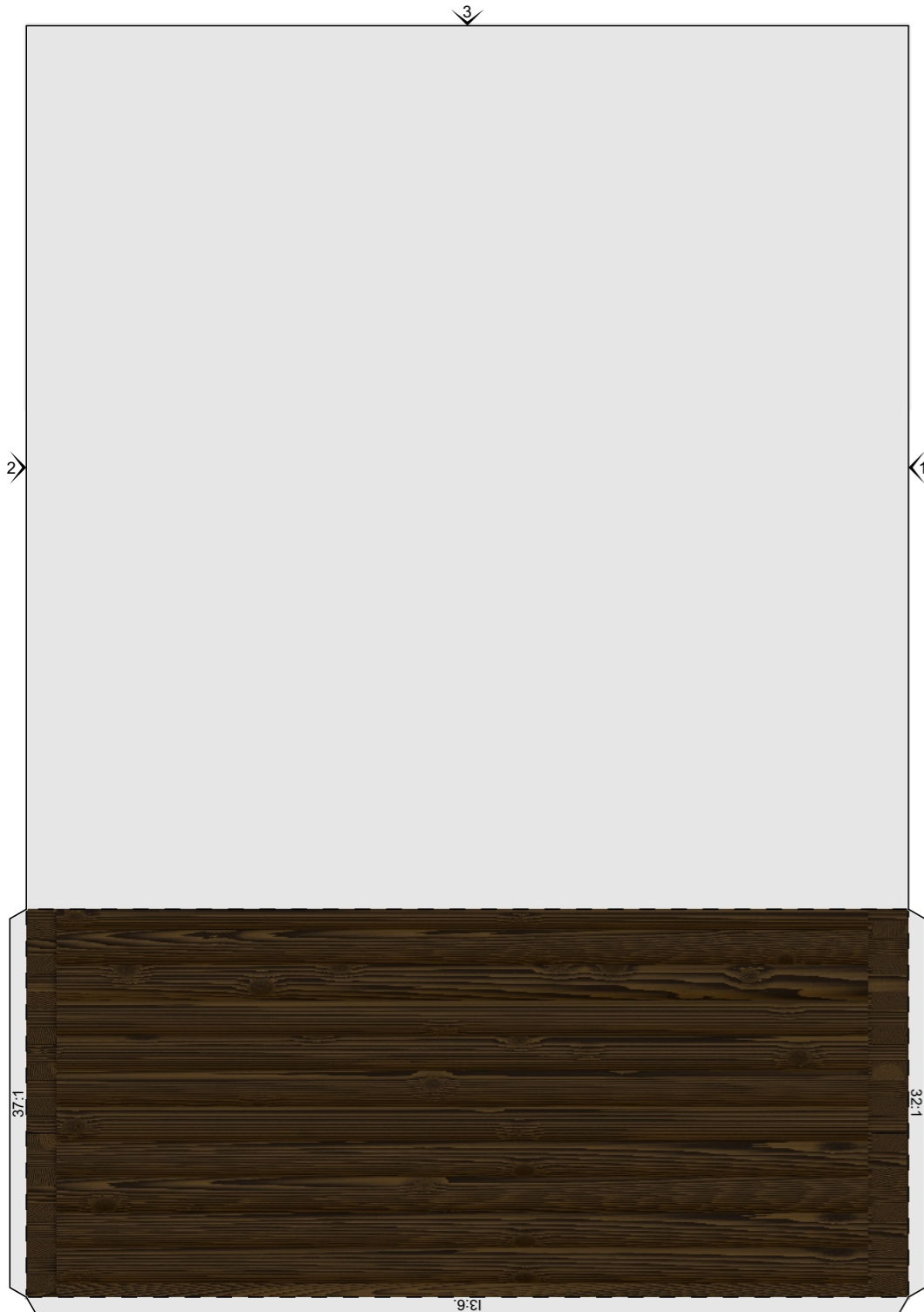
[35] деталь 35

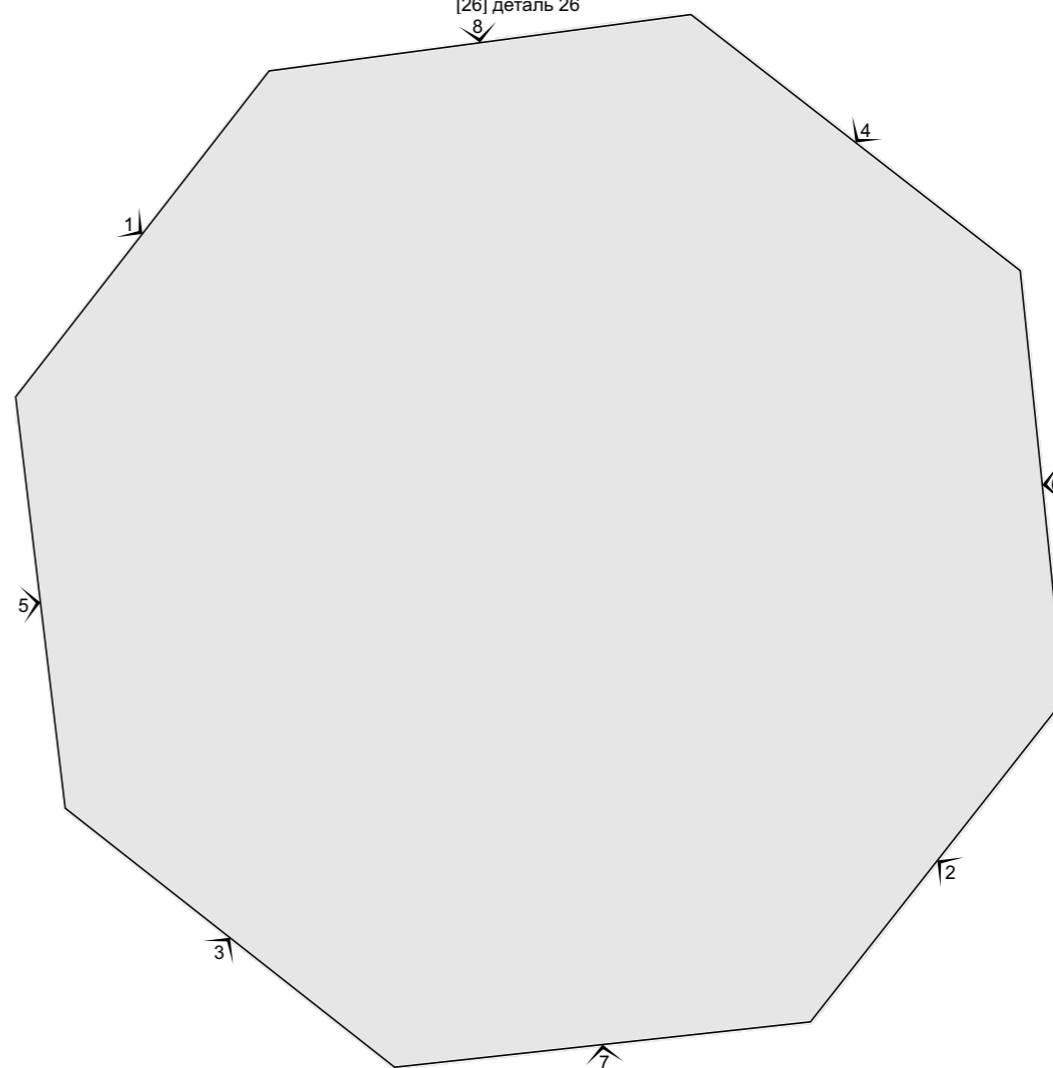
[26] деталь 26

[A1] деталь A1

[A2] деталь A2

[39] деталь 39

[25] деталь 25

[18] деталь 18

[21] деталь 21

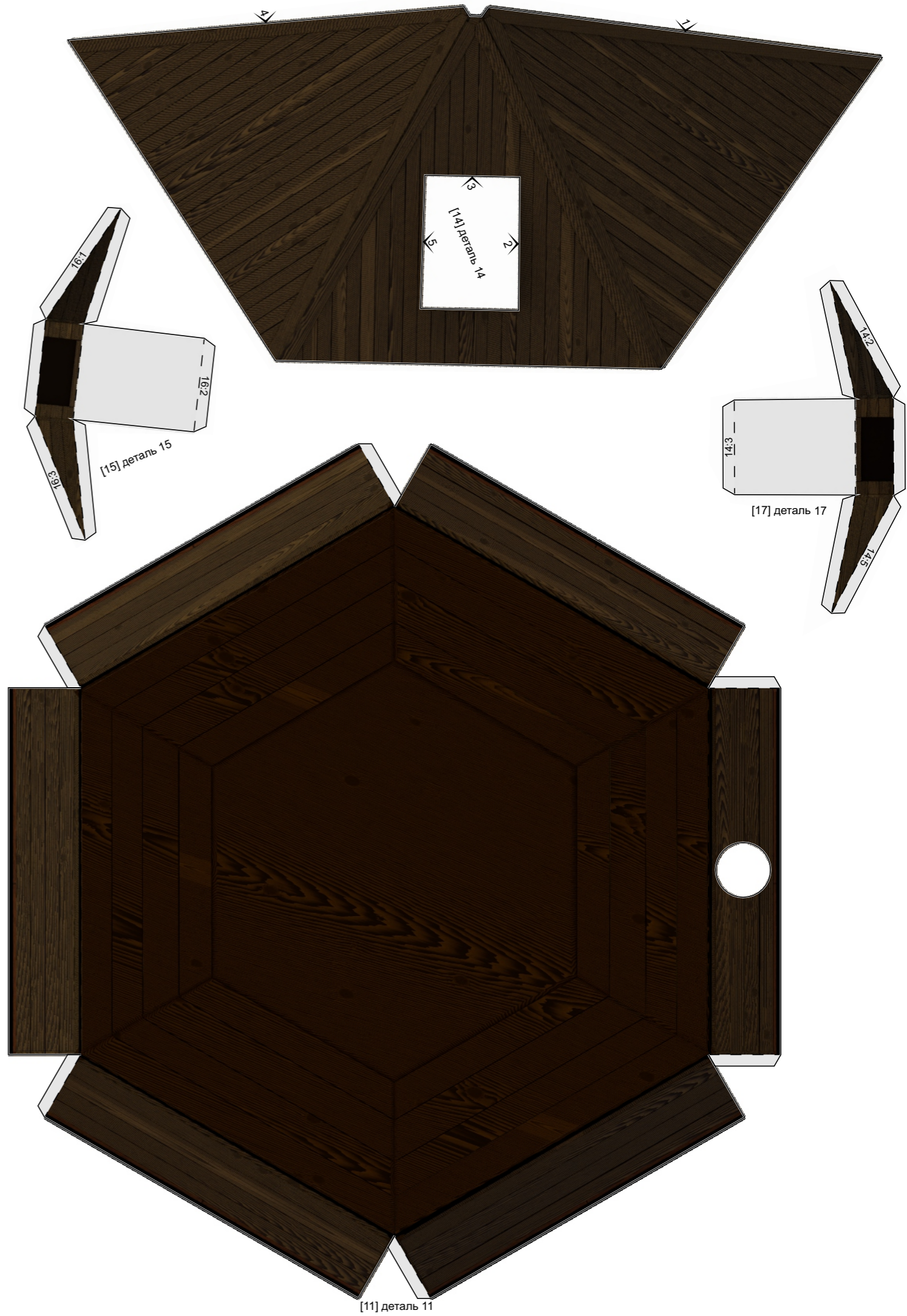
[20] деталь 20

[9.] деталь 9

[19] деталь 19

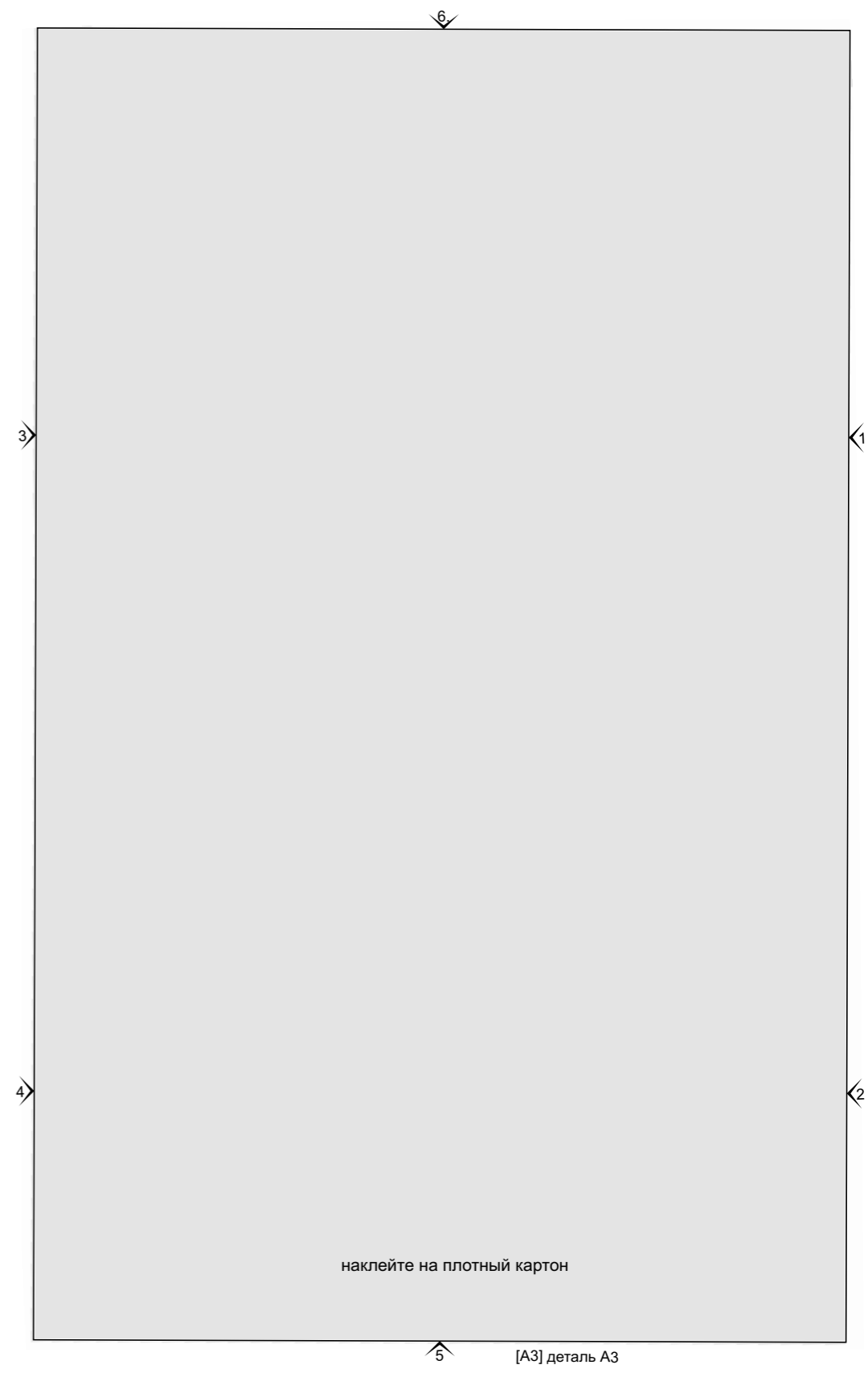
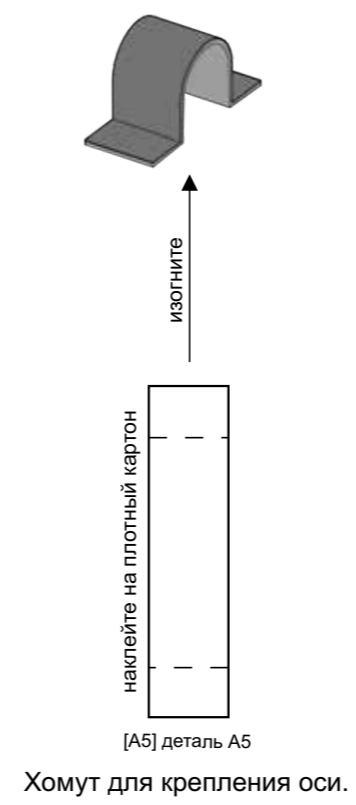
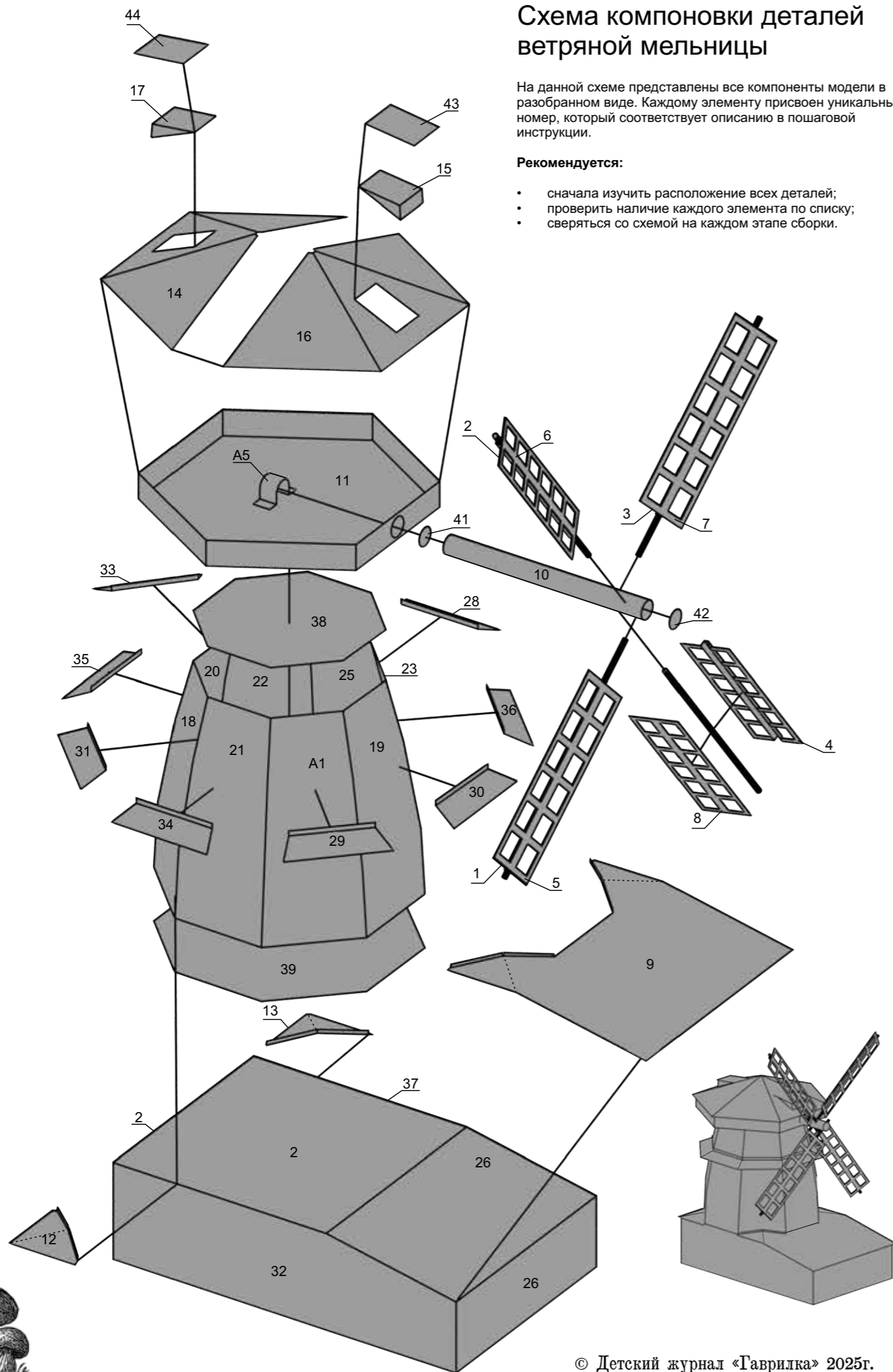

Схема компоновки деталей ветряной мельницы

На данной схеме представлены все компоненты модели в разобранном виде. Каждому элементу присвоен уникальный номер, который соответствует описанию в пошаговой инструкции.

Рекомендуется:

- сначала изучить расположение всех деталей;
- проверить наличие каждого элемента по списку;
- сверяться со схемой на каждом этапе сборки.

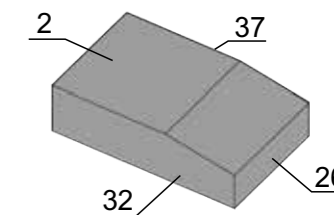
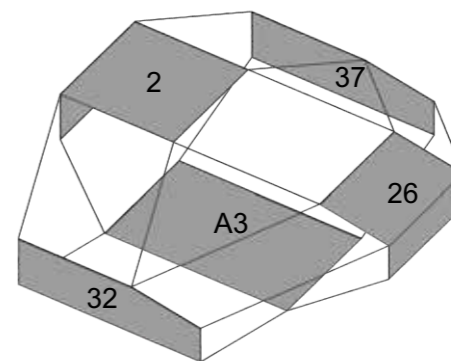

Этап 1

На первом этапе создается основание мельницы.

Используйте детали:
2, A3, 26, 32, 37

Деталь A3 желательно усилить плотным картоном. Для этого наклейте деталь на картон и вырежьте вместе с картоном.

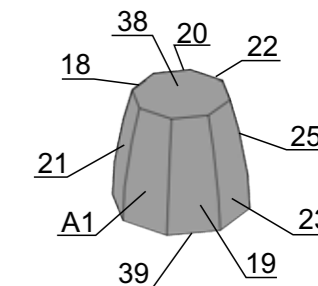
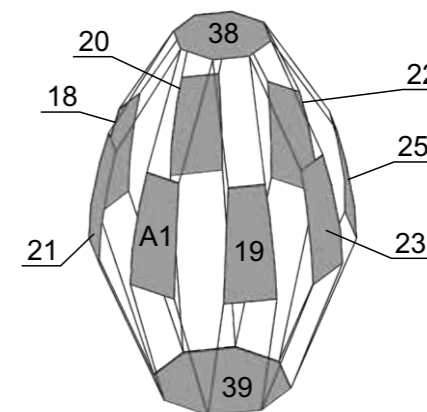

Этап 2

На втором этапе создается башня мельницы.

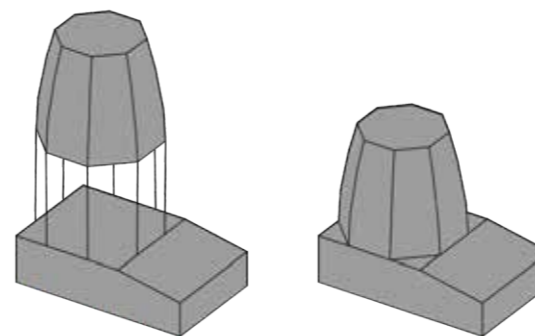
Используйте детали:
A1, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 38, 39

Детали 38, 39 желательно усилить плотным картоном. Для этого наклейте деталь на картон и вырежьте вместе с картоном.

Этап 3

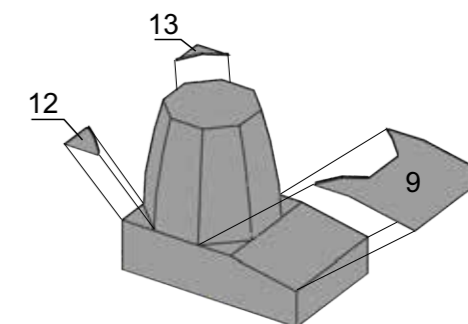
Соедините основание мельницы с башней.

Этап 4

Добавьте крышу для основания.

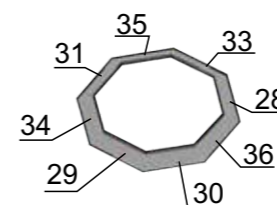
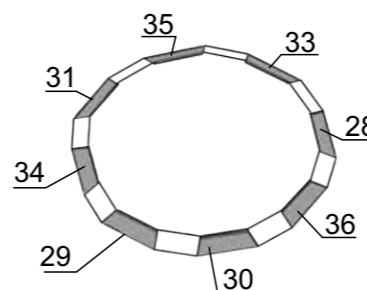
Используйте детали: 9, 12, 13

Этап 5

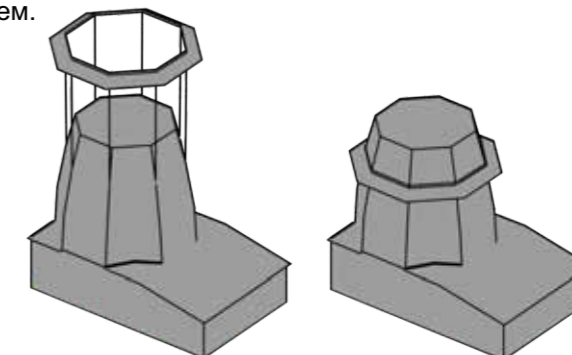
Соедините вместе детали карниза.

Используйте детали: 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36

Этап 5

Наденьте кольцо карниза на башню и зафиксируйте клеем.

Продолжение см. в журнале №3 2025

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ

Ветряные мельницы: когда ветер молот зерно

Представьте пейзаж столетней давности: поля, речка, деревеньки — и возвышающиеся над ними ветряные мельницы. Их крылья поворачиваются вслед за ветром, а изнутри доносится стук жерновов, перетирающих зерно в муку.

В ветреный день мельница словно оживала: дышала ритмом ветра, пела голосом деревянных соединений, пахла свежей мукой и прогретым солнцем деревом. Когда ветер стихал, она замирала в ожидании нового порыва.

На Руси встречались разные мельницы, но особенно выделялись две:

Шатровка — красавица Суздальского края с восьмигранной башней-шатром и поворотной «головой» с крыльями. Её главное достоинство — способность «следить» за ветром.

Столбовка — более редкая конструкция, крепившаяся на центральном столбе и поворачивавшаяся целиком. Она была сложнее в управлении и менее устойчива в сильный ветер.

В Гаврилово-Посадском районе (часть Суздальского края) повсеместно встречались шатровки, органично вписывавшиеся в пейзаж.

Старинная карта 1927 года сохранила память о двух мельницах Гаврилова Посада. От одной, стоявшей в Закомелье, остались лишь старые жернова. Но если прийти на то место и прислушаться, можно почти услышать далёкий стук жерновов.

Во втором и третьем номерах журнала «Гаврилка» вы можете создать собственную шатровую мельницу по образцу из Суздальского музея деревянного зодчества.

Почему шатровка?

- часть исторического пейзажа;
- идеально приспособлена к местным ветрам;
- свидетельство мастерства русских плотников.

В журнале вы найдёте:

- выкройки с прорисовкой каждой дощечки;
- схему сборки;
- секреты для выразительности модели.

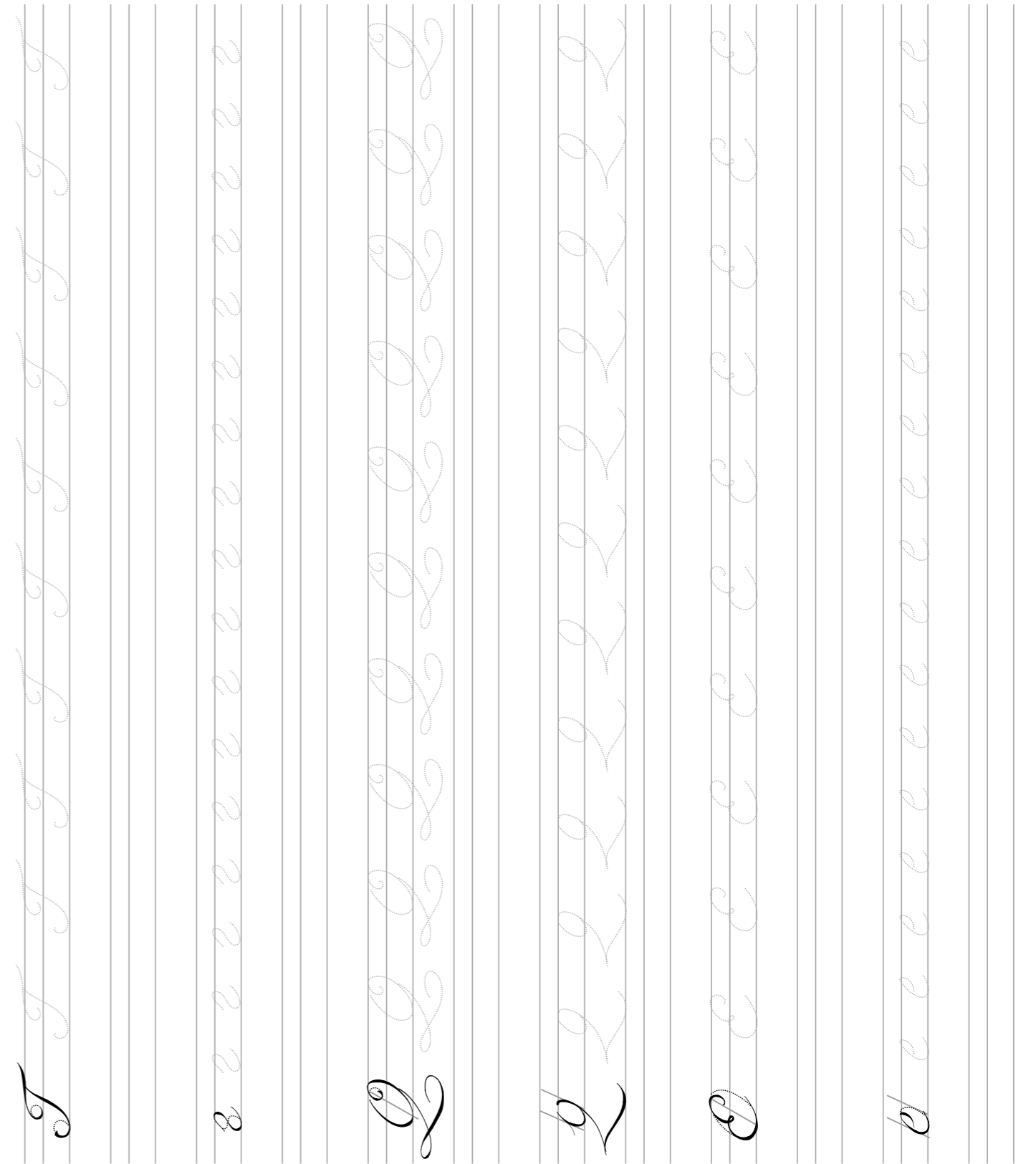
Ветряные мельницы — не просто механизмы. Это:

- история умения жить в ладу с природой;
- инженерная мысль, воплощённая в дереве и камне;
- ориентиры для путников;
- герои народных примет и рассказов.

Собрав бумажную мельницу, поставьте её на видное место. Представьте, что за окном — не город, а бескрайние поля, а в воздухе пахнет свежей мукой и тёплым хлебом. Так через маленькую модель мы сохраняем память о больших мельницах, которые кормили наши земли и украшали край.

Детали для первой части мельницы и инструкцию для сборки вы можете найти на 22-33 страницах этого выпуска. Остальные детали мельницы вы найдёте в третьем выпуске детского журнала «Гаврилка» за 2025 год.

Каллиграфия

Издание 1811 года — «Каллиграфия и способ научиться писать красиво»
Владимира Плетенева. Образцы письма, созданные по правилам лучших каллиграфов той эпохи.

Рассказы дореволюционных авторов для детей

Где он?

— Вы слышали, тетушка Марта, — сказал старый матрос, встретясь с соседкой, — что корабль, на котором служил ваш сын, пошел ко дну!..

Тетушка Марта остановилась, ноги её подкосились, и она упала бы на землю, если бы старый матрос не поддержал её. Он свел её домой, усадил в кресло и ушел. Тетушка Марта сначала горько плакала, потом опустилась на колени и стала горячо молиться.

— Боже! Неужели он погиб?.. Господи, спаси его!.. — шептали её губы, и ей было так горько, так жутко.

«Если бы люди, — думала тетушка Марта, — все — и большие, и дети — знали бы, сколько людей не жалеют себя, работая на них!.. Вот этот мальчик, мой сын, — он ехал на корабле, который вез разные товары для нас. А мы покупаем разные привозные товары и не думаем, сколько людей могли погибнуть из-за этих вещей!..»

Было воскресенье, ясное утро ранней осени. Молоденький моряк — еще совсем мальчик, — в матросском платье, торопливо шел по знакомым улицам родного города. Три года уже не был он здесь. А вот и знакомая дверь, палисадник!.. Все по-прежнему, — все здесь так же хорошо, так же уютно...

«А мама... вряд ли ждет она меня!..»

Юноша от волнения еле переводит дыхание, ноги дрожат и подкашиваются от волнения, сердце бьется скоро-скоро...

А в домике тетушки Марты вся семья только что встала из-за стола. Вдруг самый младший Ганс выглянул в окно и крикнул:

— Мама, да это Конрад идет!

— Конрад!.. Боже!..

Она не помнит себя, она бросается к дверям, краска ударяет ей в лицо. И нежные руки крепко обнимают молодого моряка, и их слезы смешиваются, — слезы счастья... слезы первого свидания...

Братишки, сестра — облепили старшего брата. Право, — они задушат его поцелуями.

— Мама! — говорит Конрад, — наш корабль погиб, но капитан, двое матросов и я — мы спаслись на лодке.

Рассказы дореволюционных авторов для детей

И вот юнгу сажают на почетное место перед собранным для него обедом, и его начинают спрашивать обо всем... Понемногу все замолкает кругом, и он начинает рассказывать о диковинных животных и растениях, которые он видел: синее море, — то спокойное, нежное, то бурливое, гневное, диковинные рыбы и чудовища морские, редкостные птицы, страшные звери, чудные города...

Никого Конрад не забыл, всем привез подарки: братишкам — апельсины, раковины, камешки, сестре — коралловые бусы и раковину, которая шумит сама собою, если приложить её к уху...

— А тебе, мамочка, я привез в подарок... — говорит он, но мать прерывает его.

— Ты сам приехал, Конрад, вот мне лучший подарок.

Источник: Журнал «Светлячок» 06-1902

Рассказы дореволюционных авторов для детей

Свинья пропала Деревенская история

- Ой, батюшки, свинья пропала!..
Мечется по двору, по улице простоволосая Дарья Голубиха.
— Тетка Марья, не видала ли моей свиньи?.. Была во дворе, — сейчас была — и след простыл...
— Нет, родная, не видала...
Бежит Дарья дальше.
— Кум Савелий, ты с огородов... Не бывала ли там моя свинья?..
— И хвостика, кума, не видать было...
— Господи, не сломала ли голову!.. Пять рублей за нее давали. Шутка ли!.. Заест меня Петр — поедом заест...
— Да-а, заест, — гляди в оба!.. — подтвердил Савелий лениво, — и только заси-
нела вдали его рубашка.
Вернулась Дарья к своим воротам, руками разводит, видит: сын ее, Василий, си-
дит у плетня, что-то про себя мурлычет и копается в глине, покачиваясь из стороны
в сторону.
— Василий, что копошишься у плетня?..
— Печку строю... Ты что, мама, вопишь?..
— Иль не видишь, мать всю деревню избегала... горе... Он — не он, из других мест
словно!.. Свинья пропала!..
— При-дет!.. Ах, грех, какой — печурка разъехалась... Вот, ты, мама, под руку
крикнула, — она и развалилась!..
Василий, косматый и босой мальчуган, прилепнул ладонью глину и поднялся.

Рассказы дореволюционных авторов для детей

- Какой он маленький, чуть его видно от земли!..
— Поищи, Вася, свинью-то... может, и найдешь?
— Ладно...
— В какую сторону пойдешь-то!..
— Известно, где она самая... свинья!..
— Ты почему знаешь, где она?
— Хэ-э!.. вишь, как солнышко жарит... ей тяжко, — ну, она в тине и нежится...
за деревней...
Брови насупил, рукавом отер пот с лица и неспеша зашагал Василий.
Идет он, с перевальцем, босые ноги, как гусиные лапы, краснеют издали. Хорош!
— Сколько ему лет? — вы спросите.
— Шестой с августа пошел...
Василий за деревней увидел в тине свинью, — посвистывает, подошел ближе, под-
нял хворостину на дороге.
— Засто-наа-ла, ша-ту-щая, — пошла домой!.. — сердито крикнул он, хлестнув
свинью хворостиной — и пошли они рядом.
— Ай-да Вася!.. нашел, родной!.. — встречает его радостно мать.
— Видишь, гоню!..
«Хрю-хрю-хрю...»
— Захрюкала!.. будет стонать, — полезай в хлев!..
— На-ка, Васенька, тепленького хлеба... только из печки, касатик!
— Спасибо...
Василий Голубев, он же Востроглазая синица, — хороший малый; руки немножко
в глине и босые ноги в пыли, — не беда, зато сердце доброе.
Вот он поделился тепленьким хлебцем с соседкой Мотей, Антону дал малость, и
Максиму. Как же, нельзя — все други-приятели...

Недостающая глава в романе Жюль Верна

Жюль Верн подробно поведал нам о том, как проводили время трое смельчаков внутри ядра, мчащегося на Луну. Но он не рассказал о том, как Мишель Ардан исполнял обязанности повара в этой необычайной обстановке. Вероятно, автор романа полагал, что стряпня внутри летящего ядра не представляет ничего такого, что заслуживало бы описания. Но он ошибся: дело в том, что внутри летящего ядра все предметы становятся невесомыми. Жюль Верн упустил это из виду. А согласитесь, что стряпня в невесомой кухне — сюжет, вполне достойный пера романиста, и надо только пожалеть, что талантливый автор «Путешествия на Луну» не уделил ему своего внимания. Попытаюсь, как умею, восполнить эту недостающую главу в романе, чтобы дать читателю некоторое представление о том, насколько эффектно могла бы вылиться она из-под пера самого Жюль Верна. При чтении этой главы читатель должен все время не упускать из виду, что внутри ядра — как уже сказано — нет тяжести: все предметы в нем невесомы.

Завтрак в невесомой кухне

— Друзья мои, ведь мы еще не завтракали, — заявил Мишель Ардан своим спутникам по межпланетному путешествию. — Из того, что мы потеряли свой вес в этом пушечном ядре, не следует вовсе, что мы потеряли и аппетит. Я берусь устроить вам, друзья мои, невесомый завтрак, который, без сомнения, будет состоять из самых «легких» блюд, когда-либо существовавших на свете!

И не дожидаясь ответа товарищей, француз принялся за стряпню. Завтрак решено было начать с бульона из распущенных в теплой воде таблеток Либиха.

— Наша бутылка с водой притворяется пустой, — ворчал про себя Ардан, взявшись с раскупоркой большой бутылки. — Не проведешь меня: я ведь знаю, отчего ты такая легкая... Так, пробка вынута. Извольте же, драгоценнейшая, излить в кастрюлю свое невесомое содержимое!

Но сколько ни наклонял он бутылки, оттуда не выливалось ни капли.

— Не трудись, милый Ардан, — явился ему на выручку Николь. — Пойми, что в нашем ядре, где нет тяжести, вода не может литься. Ты должен ее вытолкнуть из бутылки, как если бы это был густой, тягучий сироп.

Не долго думая, Ардан ударил ладонью по дну опрокинутой бутылки. Тотчас же у горлышка раздулся совершенно круглый водяной шар, величиной с кулак.

— Что это стало с нашей водой? — изумился Ардан. — Вот, признаюсь, совсем излишний сюрприз! Объясните же, ученые друзья мои, что тут произошло?

— Это капля, милый Ардан, простая водяная капля. В мире без тяжести капли могут быть как угодно велики... Вспомни, что ведь только под влиянием тяжести жидкости принимают форму сосудов, льются в виде струй и т. д. Здесь же тяжести

Занимательные науки

нет, жидкость предоставлена своим внутренним молекулярным силам и должна принять форму шара, как масло в знаменитом опыте Плато.

— Мне нет никакого дела до этого Плато с его опытами! Я должен вскипятить воду для бульона, и, клянусь, никакие молекулярные силы не остановят меня! — запальчиво воскликнул француз.

Он яростно принялся «выколачивать» воду над парящей в воздухе кастрюлей, — но, по-видимому, все было в заговоре против него. Большие водяные шары, достигнув кастрюли, быстро расплзались по ее дну. Этим дело не кончилось: вода с внутренних стенок переходила на наружные, растекалась по ним — и вскоре вся кастрюля оказалась окутанной толстым водяным слоем. Кипятить воду в таком виде не было никакой возможности.

— Вот любопытный опыт, доказывающий, как велика сила сцепления, — спокойно объяснял взбешенному Ардану невозмутимый Николь. — Ты не волнуйся: ведь это — обыкновенное смачивание жидкостями твердых тел; только в данном случае тяжесть не мешает развиваться этому явлению с полной силой.

— И очень жаль, что не мешает, — возражал Ардан. — Смачивание ли здесь, или что-либо другое, но мне необходимо иметь воду внутри кастрюли, а не вокруг нее. Вот еще новости какие! Ни один повар в мире не согласится варить бульон при подобных условиях!

— Ты легко можешь воспрепятствовать смачиванию, если оно так мешает тебе, — успокоительно вставил м-р Барбикен. — Вспомни, что вода не смачивает тел, покрытых хотя бы самым тонким слоем жира. Обмажь свою кастрюлю снаружи жиром, и ты удержишь воду внутри нее.

— Bravo! Вот это я называю истинною ученостью, — обрадовался Ардан, приводя совет в исполнение.

— Но должен предупредить тебя, — добавил Барбикен, — что если ты смажешь также и внутреннюю часть кастрюли, то вода примет в кастрюле форму большой капли. Боюсь, что в таком виде тебе не удастся довести воду до кипения: вспомни знаменитый опыт с водой в сфероидальном состоянии, когда вода остается жидкой на докрасна раскаленной пластинке.

Но Ардан уже не слушал: он весь был поглощен нагреванием воды на пламени газовой горелки.

Положительно все складывалось против желания Ардана. Газовая горелка — и та закапризничала: погрев полминуты тусклым пламенем, она потухла по необъяснимой причине. Ардан возился вокруг горелки, терпеливо нянчился с пламенем, — но хлопоты не приводили ни к чему: пламя отказывалось гореть.

— Барбикен! Николь! Неужели же нет средств заставить это проклятое пламя

Занимательные науки

гореть так, как ему полагается по законам вашей физики и по уставам газовых компаний? — взывал к друзьям обескураженный француз.

— Но здесь нет ничего необычайного и ничего неожиданного, — объяснил Николь. — Это пламя горит именно так, как полагается согласно физическим законам. А газовые компании... я думаю, все они разорились бы, если бы не было тяжести. При горении, как ты знаешь, образуются углекислота, водяной пар — словом, негорючие газы; обыкновенно эти продукты горения не остаются возле самого пламени: как теплые и, следовательно, более легкие, они поднимаются выше, а на место их притекает свежий воздух. Но здесь у нас нет тяжести — поэтому продукты горения остаются на месте своего возникновения, окружают пламя слоем негорючих газов и преграждают доступ свежему воздуху. Оттого-то пламя здесь так тускло горит и так быстро гаснет. Ведь действие огнетушителей на том и основано, что пламя окружается негорючим газом...

— Значит, по-твоему, — перебил француз, — если бы на земле не было тяжести, то не надо было бы и пожарных команд: всякий пожар тух бы сам собой, так сказать, задышался бы в собственном дыхании?

— Совершенно верно. А пока, чтобы помочь горю, зажги еще раз горелку и давай обдувать пламя. Нам, я надеюсь, удастся отогнать облегающие его газы и заставить его гореть «по-земному».

Так и сделали. Ардан снова зажег горелку и опять принялся застряпню, не без злорадства следя за тем, как Николь с Барбикеном поочередно обдували и изо всех сил обмахивали пламя, чтобы непрерывно удалять от него продукты горения. В глубине души француз считал своих ученых друзей и их науку виновниками «всей этой кутерьмы».

— Вы, господа, — тараторил Ардан, — в некотором роде исполняете обязанности фабричной трубы, поддерживая тягу. Мне очень жаль вас, ученые друзья мои, но если мы хотим иметь горячий завтрак, придется подчиниться велениям законов вашей физики.

Однако прошло четверть часа, полчаса, час, — а вода в кастрюле и не думала закипать.

— Неужели пламя вместе с весом потеряло и свой жар? — удивлялся Ардан. — Я, кажется, никогда не дождусь, чтобы вода закипела.

— Дождешься, милый Ардан, мы с Николем ручаемся за это. Но тебе придется вооружиться терпением. Видишь ли, обыкновенная, весома вода нагревается быстро только потому, что в ней происходит перемешивание слоев: нагретые нижние слои, как более легкие, поднимаются вверх; вместо них опускаются холодные верхние — и в результате вся жидкость быстро принимает высокую температуру. Случалось ли тебе когда-нибудь нагревать воду не снизу, а сверху? Тогда перемешивания слоев не происходит, потому что верхние, нагретые слои остаются на месте. Теплопроводность

Занимательные науки

же воды ничтожна, и верхние слои можно даже довести до кипения, в то время как в нижних будут лежать куски нерастаявшего льда. В нашем мире без тяжести безразлично, откуда ни нагревать воду: круговорота в кастрюле возникнуть не может, и вода должна нагреваться очень медленно...

Нелегко было стряпать при таких условиях. Ардан был прав, когда утверждал, что здесь спасовал бы самый искусный повар. Немало пришлось повозиться и при жарении бифштекса: надо было все время придерживать мясо вилкой, иначе упругие пары масла, образующиеся под бифштексом, выталкивали его из кастрюли, и недожаренное мясо летело «вверх», — если только можно употребить это выражение там, где не было ни «верха» ни «низа».

Странную картину представлял и самый обед в этом мире, лишенном тяжести. Друзья висели в воздухе в весьма разнообразных позах, не лишенных, впрочем, живописности, и поминутно стучались головами друг о друга. Сидеть, конечно, не приходилось. Такие вещи, как стулья, диваны, скамьи — совершенно бесполезны в мире, где нет тяжести. В сущности, и стол был бы здесь вовсе не нужен, если бы не настойчивое желание Ардана завтракать непременно «за столом».

Трудно было сварить бульон, но еще труднее оказалось съесть его. Начать с того, что разлить невесомый бульон по чашкам никак не удавалось. Ардан чуть не поплатился за такую попытку потерей трудов целого утра: забыв, что бульон невесом, он с досадой ударил по дну перевернутой кастрюли, чтобы изгнать из нее упрямый бульон. В результате из кастрюли вылетела огромная шарообразная капля — бульон в сферической форме. Ардану понадобилось все искусство жонглера, чтобы вновь поймать и удержать в кастрюле бульон, с таким трудом сваренный.

Попытка пользоваться ложками осталась безрезультатной: бульон смачивал всю ложку до самых пальцев и висел на ней сплошной пеленой. Обмазали ложки жиром, чтобы предупредить смачивание, но и от этого дело не стало лучше: бульон превращался на ложке в шарик, и не было никакой возможности благополучно донести эту невесомую пилюлю до рта.

В конце концов догадались сделать трубки из восковой бумаги и с помощью их пили бульон, всасывая его в рот. Таким же образом приходилось нашим друзьям пить воду, вино и вообще всякие жидкости в этом своеобразном мире, лишенном тяжести.

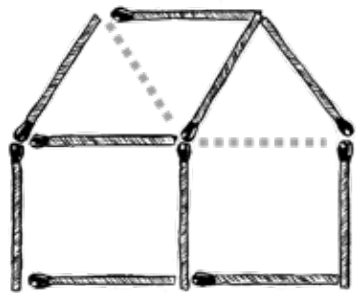
Источник: Занимательная физика парадоксы, головоломки, задачи, опыты, замысловатые вопросы и рассказы из области физики. Перельман Яков Исидорович Санкт-Петербург : Издание П.П. Сойкин, 1916

Занимательные науки

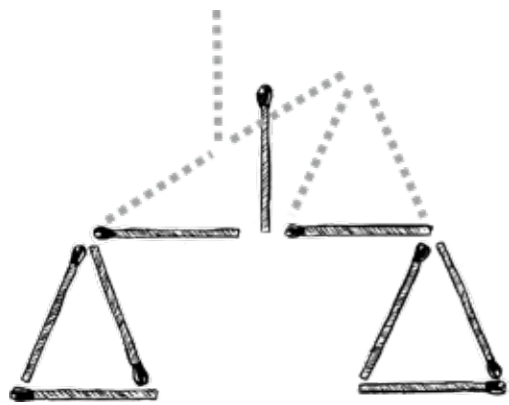
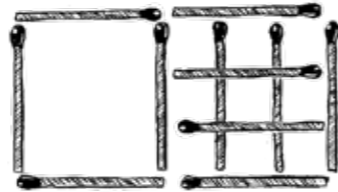
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ 1-ГО НОМЕРА

В первом номере детского журнала «Гаврилка» за 2025 год на 18-й странице были опубликованы четыре задачи со спичками.
Публикуем ответы.

Если переложить всего 2 спички, то дом будет смотреть в другую сторону.

Если у древнегреческого храма переложить 4 спички, то получатся вот такие 4 квадрата.

Правильно передоженные 5 спичек уравнивают весы таким образом.

Четере перемещенные спички превращают флюгер в дом

В первом номере детского журнала «Гаврилка» за 2025 год на 19-й странице была опубликована задачка с загадочным шрифтом. Зашифрованные фразы звучат так: «На Троицу дождь — много грибов» и вторая фраза: «Яблочный Спас — ешь сейчас и про запас».

Пирог блинчатый, называемый попадьян

Из пресного теста делают пирог с блинцами, пересыпанными сухим творогом и рублеными яйцами, с добавлением коровьего масла. Печется в печи.

Каша зеленая

Заварить на воде или молоке крутую кашу из ржаных зеленых круп. Подавать к оной растопленное коровье масло.

Каша гречневая на сковороде

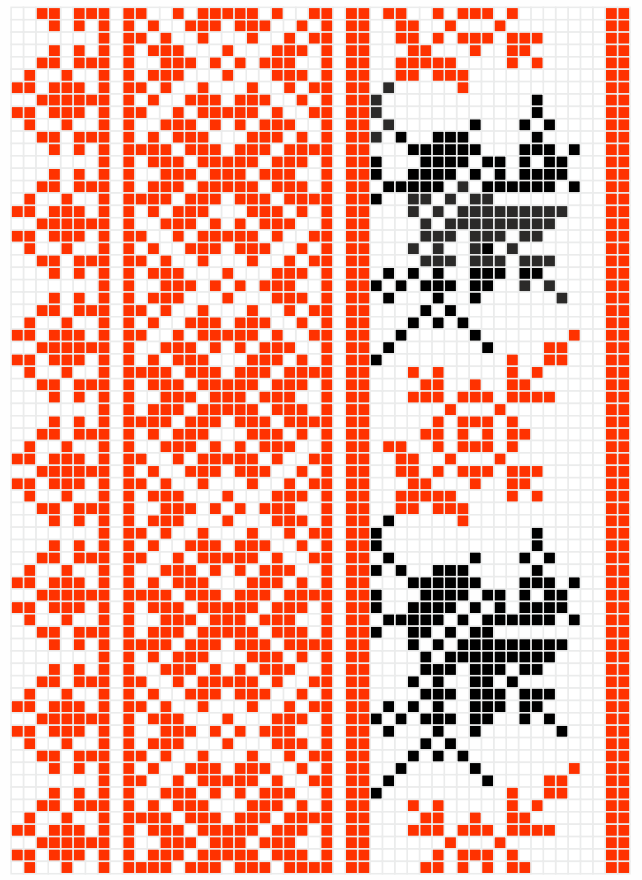
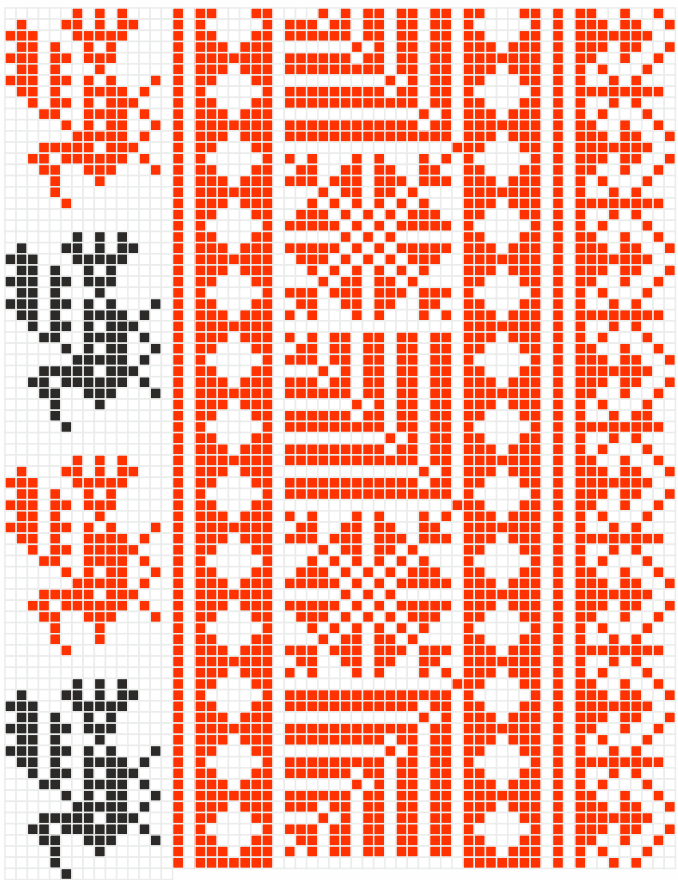
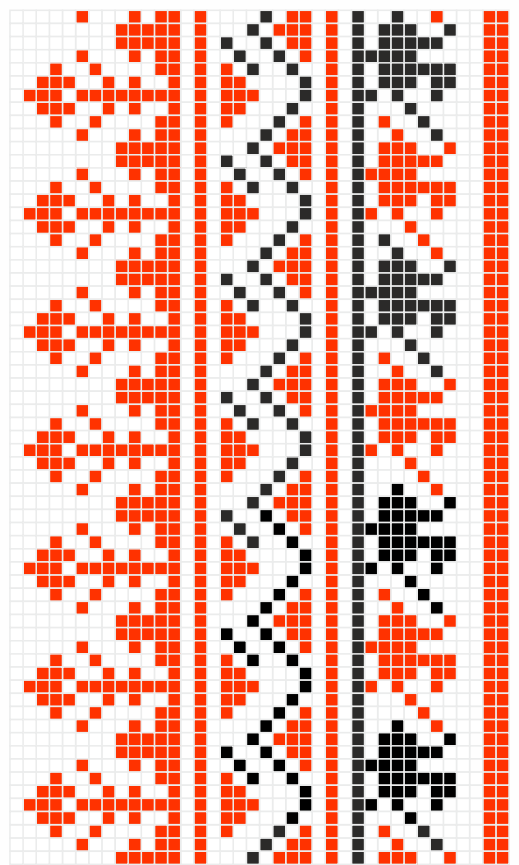
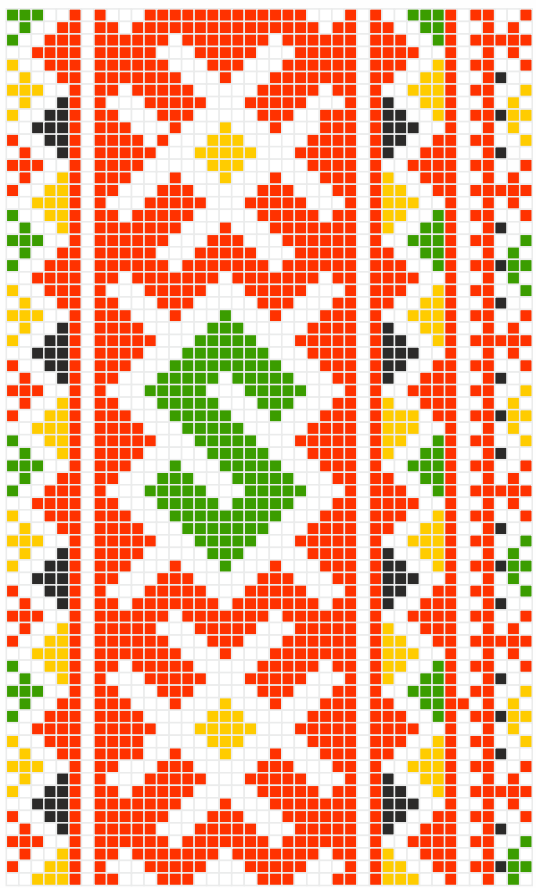
Крутую кашу смешать с густыми рублеными яйцами, и смалив коровьим маслом, поджарить на сковороде.

Грибы душеные

Перебрав грибы и очистив хорошие корешки березовых грибов, скрошить; шляпки маленьких грибочков оставить целком, а крупные разрезать начетверо; скласть в горшочек, покрошить укропу; приправить солью и перцем; налить полный горшочек сметаной, наложить крышку, обмазать по шву тестом и поставить в истопленную печь утопиться.

Рецепты из уникального издания 1816 года — «Русская поварня, или Наставление о приготовлении всякого рода настоящих русских кушаний» Василия Левшина. Настоящая гастрономическая летопись, хранящая ароматы и традиции русской кухни двухвековой давности.

Русские вышивки, выполненные К. Давлатовым по атласу цветным шёлком для мягкой мебели, а также по полотну для карнизов окон и дверей в русском тереме датского королевского парка Фреденсборг в 1889 году. Узоры заимствованы из его обширного собрания старинных образцов народного шитья великорусов Московской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерний.